

**МОДЕРНИСТСКИЕ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОГО
НАЧАЛА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ
А.А. ЗИНОВЬЕВА**

По всем кажущимся признакам, А.А. Зиновьев, явившийся в русскую литературу в конце 1970-х годов с романом «Зияющие высоты», представляется автором, которому не чужда постмодернистская концептуальная установка, определяемая, как известно, «тремя китами» сомнения и/или отрицания. Это – «смерть» Бога (Ф. Ницше), «смерть» автора (Р. Барт), «смерть» человека (гуманитарности вообще).

А.А. Зиновьев, как писатель, однако, постмодернистом видится только в какой-то определённой мере. Он не отрицает духовности, измеряемой Высшей Сущностью, то есть Богом, и Бог этот, на первый взгляд, представляется несколько иным, чем Его принято изображать в светской литературе. Например, в повести «Иди на Голгофу» автор вкладывает в уста главного героя следующие мысли: «Если Бог по определению есть существо, создающее религию, то я по определению самого понятия Бога есть Бог» [2, с. 13].

Речь здесь, как видим, идёт не столько об отождествлении себя во всём с Богом, но только с функцией Бога как Учителя. Тем не менее, такого рода идея была близка многим писателям конца XIX – начала XX века.

Модернистские тенденции вполне просматривались бы здесь, если бы не определённая авторская оговорка, заключающаяся в следующем: «Я понял очень простую истину: если многие люди захотят, чтобы Он был, Он придёт. Все дело не в Нём, а в нас. Он – это мы» [2, с. 18]. Веру в Бога Зиновьев не только не снимает, но закрепляет и утверждает её – и как автор тоже, поскольку своего героя он характеризует так: «Он искренен и чистосердечен, а потому его слова заслуживают доверия. Но он искренен и чистосердечен по-русски. А мы, русские, утратили критерии различения правды и вымысла» [2, с. 8].

Иначе говоря, передоверяя слово художника-творца персонажу, автор как бы дистанцируется от позиции главного героя Ивана Лаптева (а значит, автор «умер»). Однако Бог, по мнению писателя, рождённый постулатами социальных институтов, не является сущностью автора, который сам себе государство. В этом смысле Зиновьев, принимая евангельское учение, отрицает его религиозную догматизированную сущность (а значит, автор «жив»).

Как утверждает литературовед М.Н. Эпштейн, заметный аналитик современного литературного процесса, «всё, что творит наш современник, чуждо самому автору, как будто между ним и творением поместилось что-то ещё, неосознанное и неподвластное, – форма Другого. <...>. Искусство 20-го века, и особенно постмодернизма, есть искусство, созданное от имени кого-то Другого: автор стирает свою подпись, поскольку за него говорит Оно – Язык или Бессознательное» [5, с. 282].

Ни о какой «чуждости», ни о каком условном «языке» Другого не идёт речь в произведениях А.А. Зиновьева. Хотя определённые элементы Другого мы у автора «Глобального человека» и «Зияющих высот» находим: это и отсутствие портретных характеристик, и не всегда индивидуализированная речь персонажей, и отсутствие проявления героев на уровне жеста.

Тем не менее, уже в романе «Зияющие высоты», автор болевыми точками – созданными им персонажами (Правдецом, Социологом, Теоретиком, Мыслителем, даже Приятелем (!)) – и задаёт своё присутствие, то есть «не умирает». А в дальнейшем и сам будет проявляться в текстах своих произведений всё больше и больше.

Автобиографический автор проявится в альтернативном герое Немце (повесть «Пара беллум»), затем будет создан во многом автобиографический Писатель (роман «Русский эксперимент»), а в романе «Русская трагедия» авторский голос будет явлен демонстративно как свидетель постсоветизма.

Если говорить конкретно, то, например, город Ибанск уже в первом романе А.А. Зиновьева «Зияющие высоты» представляет собой вымирающую типовую модель советского социального устройства. Он тоже живёт своими постулатами. Однако все герои, населяющие этот город, находятся во внутреннем противоречии с такого рода моделью. То есть, при «мертвящей» атмосфере ибанской жизни, настоящая жизнь не склонна «умирать». Она, жизнь эта, потому и остаётся жизнью, что постоянно соотносит себя с социальной действительностью, а главное – с её законами, с которыми ибанцы не только не в ладу, но и пытаются влиять на них.

Как утверждает Ж.-Ф. Лиотар (авторский перевод с французского принадлежит М. Липовецкому), «пост-модернистская наука строит теорию собственной эволюции как прерывного, катастрофического, несглаживаемого парадоксального развития. Она меняет смысл слова «знание» и демонстрирует, каким образом это изменение может происходить» [3, с. 1]. Однако дело в том, что А.А. Зиновьев, утверждая социологическое знание, вплетая его в ткань художественного текста, с одной стороны, действительно имеет в виду «несглаживаемость» «парадоксального развития», но только с обязательным добавлением – «парадоксального развития» *социальной жизни*. Жизнь же эта демонстрируется в художественном мире, что предполагает некую условность явленной автором действительности. Такой способ изображаемого позволяет автору создавать множество кругов социально-художественных микромиров, которые в совокупности составляют один большой макромир.

Иначе говоря люди, каждый сам по себе, явлены как Я-государства, составляющие в сумме «Человейник» – макрогосударство. Но как раз такой способ мировидения приводит к тому, что неизвестные в социальном плане, сами по себе, персонажи в совокупности своих мнений и убеждений, стремятся к известности, понимаемости социального миропорядка.

В период кризиса модернизма, «распад коллективного тела, советского Другого, приводит к тому, что можно назвать мифологической дисперсией – мифологические знаки исключительности, приданные в 1930–1950-е годы нарратору/протагонисту, сегодня оказываются «рассеянными» по социуму» [3, с. 176]. Как раз это «сегодня» не приемлемо по отношению к А.А. Зиновьеву. Его герои, вроде бы «рассеянные» по социуму», на самом деле едины, пока сообщаются между собой в социально-парадоксальном коммуникативном пространстве-круге.

Подобного рода структурирование соотношений между людьми можно бы было причислить к «пост-соцу» (то есть соединению постмодернистского и соцреалистического начал), по определению М. Липовецкого, так как здесь действуют две «стратегии»: «констатация распада коллективных идентичностей» сплетается «с острой ностальгией по «мы» [3, с. 211]. Однако у А.А. Зиновьева нет, во-первых, «коллективных идентичностей», так как каждый персонаж представляется, как уже говорилось выше, Я-государством, а во-вторых, автор не склонен ностальгировать по исчезающему «мы», его мысль скорее направлена на прогнозируемое, перспективное, грядущее «мы» – не трансцендентное, но определяемое социологическими законами развития «Человеиника».

И мир парадоксов тоже не случаен, однако он приводит не к «рассеиванию», но к синтезу полярностей суждений, поскольку специфика именно русской модели культуры такова, что она есть «принципиальная полярность, выражающаяся в дуальной природе её структуры» [4, с. 89]. Поэтому не случайно и то, что, помимо прямых социологических и философских исследований, А.А. Зиновьев испытывает интерес и к художественному слову, позволяющему представить русскую модель культуры через художественную действительность города Ибанска.

Согласно Ж.-Ф. Лиотару, постмодернистское знание «производит не известное, а неизвестное» [3, с. 1]. Если исходить из истории логического развития постмодернистского начала, постмодернистских тенденций в русской литературе вообще в 1970-е годы, то А.А. Зиновьев в это время неизбежно бы деконструировал советский миф с последующим «интересом к трансцендентному» [3, с. 88]. Однако А.А. Зиновьев исходит в своём творчестве не из логики постмодернистского развития, а из логики социологической науки. И если возможно говорить по отношению к этому периоду творчества писателя о какой-либо интертекстуальности, то она могла бы быть напрямую связана с социологией, её текстуальными источниками – в первую очередь. Однако, как мы знаем, история (и история литературы тоже) не имеет сослагательного наклонения.

Нельзя также напрямую соотнести модель изображаемого А.А. Зиновьевым мира с тем, как это делают представители социалистического реализма. «Соцреалистическая культура, – как даёт нам ясно понять Е. Добренко в своей книге «Метафора власти», – ... органически не способна к такого рода интеграции: она деформирует противоположности, спекулятивно смешивая их; её стратегия по отношению к

целому есть стратегия разрушения целого и, соответственно, разрушения личности» [1, с. 212]. М. Липовецкий, на основании этого, считает, что именно так «построен механизм социализма: атомизация общества, распад социальной организации формирует замкнутый, «монадный» характер единиц, изоморфный всей соцреалистической культуре с ее установкой на автаркию» [3, с. 210]. Несмотря на справедливые суждения литературоведа, опять же, сложно согласиться, что герои зиновьевских произведений являются не порождением системы, а вырождением её; к тому же, определяемы некой «изоморфностью» и лишены какой бы то ни было целеустремлённости, социальной целеустановки. Это и отличает автора от других представителей социалистического реализма.

В целом, отталкиваясь от наследия трансформирующегося всё больше и больше в 1970-е годы социалистического реализма, автор не приемлет постмодернистского иноязыка условностей. Однако законы этих самых условностей для построения социально-художественной модели принимает, но только постольку, поскольку они будут отвечать парадоксализации устанавливаемых в инодейственности (Ибанск, Вождянк, Партград) с её иноперсонажами (Маоцзеденька, Сусликов, Бражник, Правдец, Физик и другие) постулатов социологического порядка.

Нельзя, однако, сказать, что автор склонен искать некую осмысляемую через экзистенции сущность путём поиска какого-то бессознательного начала, хотя автору и близок жанр «исповедальной» литературы («Исповедь отщепенца», «Записки ночного сторожа», «Иди на Голгофу» и другие). Однако «исповедальность» героев напрямую соотносится с социумом, точнее – с его определяемой социальными законами сердцевиной.

Разумеется, А.А. Зиновьев ориентировался в своём творчестве и на традицию (социально-реалистические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина), и на посттрадицию (социально-модернистские произведения А.П. Платонова, социально-постмодернистские произведения Вен. Ерофеева и А. Битова).

Попытки оттолкнуться от зиновьевских произведений и создать нечто оригинальное (например, «Учебник рисования» М.К. Кантора) пока представляются интересными, но спорными и во многом противоречивыми. Вследствие всего изложенного выше, место А.А. Зиновьева в современной литературе представляется самобытным и уникальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добренко Е.А. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. – München, Verlag Otto Sagner, 1993. – 408 с.
2. Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия: [сборник]. – М.: Аст: Астрель, 2011. – 893 с.
3. Липовецкий М.Н. Паралогии: Трансформации (пост) модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. – <http://profilib.com/chtenie/3096/mark-lipovetskiy-paralogii> – 269 с.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство-СПб., 2002. – 768 с.
5. Эпштейн М.Н. Слово и молчание: Метафизика русской литературы. – М.: Высш. шк., 2006. – 559 с.

АННОТАЦИЯ

Сорокин А.А. Модернистские и постмодернистские особенности проявления авторского начала в социологической прозе А.А. Зиновьева

В статье рассматриваются вопросы, связанные с принципами мировидения А.А. Зиновьева как писателя. Особенности социологических произведений автора с их уникальной социальной моделью позволяют выстраивать своеобразный мир парадоксов, основанных на социальных законах жизни общества. Всё в целом делает прозу А.А. Зиновьева самобытной и своеобразной.

Ключевые слова: модернизм, постмодернизм, социологическая проза.

SUMMARY

Sorokin A.A. Modernist and postmodernist peculiarities of authorship in A.A. Zinoviev's early sociological prose

The article deals with issues related to the principles of A. A. Zinoviev's world vision as a writer. Features of sociological works of the author with their unique social model allow him to build the unique world of paradoxes based on the laws of social life of the community. All this makes the prose of A. A. Zinoviev original and distinctive.

Key words: modernism, postmodernism, sociological prose.